

Светлана Леонтьева

Светлана Геннадьевна Леонтьева – родилась 19 ноября 1960 года в Свердловске (ныне Екатеринбург). Училась в Уральском государственном университете. Окончила Уральский электромеханический техникум в Свердловске, курсы сурдопереводчиков, филологический факультет Горьковского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, Высшие литературные курсы в Москве. Автор 31 книги прозы и поэзии.

Дипломант национальной премии «Золотое перо Руси», «Созвездие духовности», «Бриллиантовый Дюк», фестиваля «Интеллигентный сезон», лауреат премий «Уральские горы», «Лучшие строфы столетия», «Литературный глобус». Главный редактор альманаха «Третья столица». Член Союза писателей России с 1998 года. Живёт и работает в Нижнем Новгороде.

ЗВУЧАЩИЙ ГОРОД НА ХОЛМЕ

Обзор журнала «Берега» № 3 (55)-2023 в сокращении

Вы слышите музыку? Именно её – большую, струящуюся, ниспадающую?

Журнал – как звучание.

Слово, как аккорд.

И сам окрас звуков – как виртуозность солиста и мощь оркестра.

Как редукция концерто grosso – когда группа солистов постепенно сама нарастает, движется. И вот он – унисон. Вот она – гармония!

Третий номер журнала Берега – особый тип виртуозности, ибо он сплочён темой, то есть каденцией, где звучит соло на фоне высокой ноты, высочайшего альтя. О, только не оборвись! Звучи! И вот оно – барокко, ария, певцы удлиняют свои пассажи, украшая новизной и слаженностью.

Это фортепьяно Моцарта пьянящее.

Это каденции безумного Бетховена.

Но звучи, звучи!

* * *

«...5 марта минуло 70 лет с того дня, как Иосиф Виссарионович Сталин ушёл в мир иной. И едва ли не сразу стала всё отчётливей материализоваться широко известная мысль Шарля де Голля, высказанная им в 1966 году в Москве – у могилы нашего вождя: “Сталин не ушёл в прошлое – он растворился в будущем”. Действительно, как показало время – наш единственный беспристрастный, а потому и объективный судья, – предсказание знаменитого лидера Франции оказалось пророческим.

И ещё де Голль сказал: “Сталинское государство без достойных Сталину преемников обречено”. В связи с тем что для нашей страны этот “момент истины” стал осязатим задолго до 90-х, ещё по мере правления Хрущёва, его острота в современной России усиливается едва ли не ежедневно. Поэтому обсуждение выдержек из книги известного военного писателя-историка Владимира Петровича Долматова “СТАЛИН. ГЛАВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ” (Издательский Дом «Комсомольская правда», 2018. – 456 с.) в нынешние очень непростые для России дни напрашивается само собой. Ведь тактика и стратегия действий нашего военно-политического руководства в период нынешней СВО выглядит пока, мягко говоря, неубедительной ни на фронте, ни в тылу, поэтому и вызывает многочисленные вопросы, домыслы, споры, а нередко и недоумения...» (Григорий Блехман).

По правде говоря, Сталин для этого писателя, как живой. И сколько бы не осуждали культ личности его – сколько бы не демонизировали, не преувеличивали потери, не играли цифрами от 3 миллионов до 37 погибших в ГУЛАГах, но автор, словно лёгким «венчиком из роз», возносит вождя на пьедестал. Конечно, фигура Сталина масштабная. Глубокая. Непростая. Жуткая. Космическая.

Автор прослеживает записки вождя от 1941 года, звучащие как приказы: увеличить выпуск орудий, разработать в срок (сроки разные) увеличение снарядов, строительство новых заводов, поставки, строго! Очень настойчиво!

По правде сказать, если вождь излишне харизматичен, строг, до болезненно горд, то найти такого второго трудно. Ах, Сталин, Сталин...

Думаю, что историю нашу надо воспринимать такой, какая она есть. Осуждать казнить помиловать любить – здесь запятые надо уметь расставлять мудро и предвидяще.

* * *

ИТАК, журнал. Это, скорее всего, оркестр. Дирижёр. Голоса...

Наталья Советная виртуозно владеет словом, в её повести «Кремень» доминирует сюжет:

«Хитько, не останавливаясь, подхватил бумажный стаканчик и только теперь почувствовал, понял, как пересохло во рту, как хочется пить. В два глотка осушил его, отбросил в сторону, снова вцепился освободившейся рукой в волокущуюся на ремне лыжную палку. Запыхавшийся Туманов пробежал рядом ещё несколько метров:

– Хитько, родной, ты уж держись, осталось всего ничего, всего десятка! Благодарность тебе будет за службу, родителям письмо лично напишу. Не подведи, солдат!

Иван не подвёл. Лишь преодолев финиш, рухнул на снег. Что было дальше, помнил с трудом. Радостные лица товарищей. Лыкующийся Туманов:

– Герой! Говорю же – герой!

Носилки. Санчасть.

Отлёживался неделю. На соседней кровати – Боянов. Он хоть и сильно отстал от Ивана, но до финиша тоже дошёл.

– Думал, сдохну! – хрипел простуженным горлом.

– И я! – хохотал Хитько.

Хитро косясь на товарища, Боянов вдруг заканючил:

– Мультик хочу! Вань, привези новый мультик в клуб! Порадуй душу детством.

Солдаты страсть как любили мультфильмы...»

Это уже увертюра – быстрая, с высоким голосом и подпевом трио:

«Дома Хитько развернул листки, захваченные с дачи. Это были наброски, эскизы фрагментов будущего памятника, который задумал создать на месте сожжённого дома. Теперь это как раз напротив школы. Кому, в первую очередь, нужны памятные знаки об историческом прошлом родного края? Конечно, детям!

– А ведь боятся! Ой, как боятся нынешние фашисты памятников советским воинам и всему советскому, русскому, православному! Сносят их по всей Украине, Прибалтике, Европе... А мы новые поставим! – раздорился Иван Павлович, разглядывая эскизы. – Выходит, что и бронзовая память может стать оружием, которое помешает нацизму гадить в людских душах...»

* * *

Михаил Поленок «Разведка боем»: «Фигура всадника, внезапно налётом вылетевшего с фланга вдоль нейтральной полосы на открытую местность, представляла собой дикую и несуразную картину. Человек и лошадь, играя со смертью, неслись по обожжённой и израненной, но пока ничейной и страшной полосе, с обеих сторон которой их рассматривали в прорезь прицелов. Они были едины – всадник и рыжей масти лошадь, слитые в один сгусток живой энергии и дикого задора. Нейтральная полоса молчала, притихнув. Головы фашистов в рогатых касках показались из укрытий. Обескураженный противник с интересом и любопытством, как острое представление, наблюдал за лихим наездником. Так жаждущие охотники, испытывая воздействие адреналина, со сладостной дрожью наблюдают за дичью, чтобы, насладившись властью над самой сутью жизни, нанести роковой удар. Шашка, выхваченная твёрдой рукой конника, вылетела из ножен, полоска

стали змейёй заускрилась в воздухе. Зарубин джигитовал лихо, с похвистом, бахвалясь и не скрывая этого, откровенно издевался над противником...»

Тема рассказа – ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА. Эпизод её. Увертюра сюжета, тонкий голос артиллерии, мощный взрыв, стойкость бойцов, страшный, жуткий, кошмарный сон трагедии.

* * *

Известный воронежский прозаик **Александр Пылёв** и его фантастический рассказ – звучит как сонатное аллегро с «двойной экспозицией», сам читатель словно находится в оркестровой яме, приподняв глаза к звёздам.

А там... россыпи... алмазы... изумруды бесконечности. И даже сам Иисус Христос...

«– Радуйся, вера твоя спасла тебя... – прошептал Иисус.

– Так это Ты!!! – закричал Элан. – Господи, какой же раз они распинают тебя?..

Он вдруг почувствовал прилив давно забытых им сил. Настоящих, мужских сил. Он легко отпихнул Рони и Эдгара, опрокинул статиста-легионера и бросился к Иисусу. Он хотел коснуться Его израненного тела, его сношенных сандалий, той пыли, где прошёл Он!»

Сонатное аллегро, как часто описывают музыковеды, подразумевая, что сначала звучит первая тема в оркестре, потом солист повторяет её в более развитом виде и переходит ко второй теме – в чуть новой тональности. Однако сама концепция сонатного аллегро в том виде, в котором она присутствует, например, в симфонии или в струнном квартете, берётся как высота в сольном концерте, как глубина и как Марианская впадина звука. Это Брамс, это небольшое вступление и разноголосица одного звука – до, ре, ми...

* * *

Юрий Жекотов «Тарабанька с Сиреновой улицы»:

«– Когда-то геологоразведчики, как твой отец, были востребованы и заработанные деньги не считали. Всё было относительно сносно даже в начале разгромных девяностых – худо-бедно, но средств на латание семейного бюджета хватало. А потом всё к одному – накрылась российская геология медным тазом! И вот тут нужно было отцу заявить о себе, проявить предприимчивость, изобретательность. А он оказался неприспособленным и непрактичным, малахольным каким-то! Всё надеялся, что восстановится положение дел и позовут его на прежнее место работы. Ждите, как же! – пришло время, достаточно эмоционально поведала Наталья Валерьевна подростковой дочери о сложном этапе совместной жизни с её родителем. Только свидетелей подтвердить или опровергнуть достоверность рассказа рядом не было, весь он полностью остался на совести матери».

...проза музыки... проза текста... скорее всего, молчат скрипки. Но вот-вот скрипачи прижмут скрипки к горячим плечам, тонкий писк смычка. И вот оно – грянуло:

«В стекле двух оконных рам, выходящих на юг, играют-искрятся золотые лучики, ослепляют взгляд золотыми блёстками. Оградка выкрашена свежей изумрудно-зелёной краской. Из-за неё приветливо протягивает ветки пышный куст сирени. Виктория Матвеевна лишь тронула калитку рукой, и та, словно заждавшись, тут же отворилась, приглашая зайти вовнутрь. Во дворике чисто, прибрано, всему своё место: и трудолюбивой метле, и бочке под дождевую воду, и дровяной поленнице. Виктория Матвеевна прошла по пружинистому деревянному настилу к входной двери, над которой не оказалось звонка. Женщина тюкнула пару раз кулачком по дверной плахе, но никто не отозвался, потянула дверь на себя, и та без скрипа открылась. В сенцах за узорчатой тюлевой занавеской Виктория Матвеевна услышала залиvistый смех Насти и тут же голос отца (теперь хорошо узнаваемый), идущий откуда-то издалека, будто старинным преданием из глубины веков. “А подслушивать нехорошо”, – сама себе в назидание с улыбкой подумала Виктория Матвеевна, но всё-таки не решилась прерывать сказку, в которую каким-то чудом попала.

– Идёт дальше Тарабанька. Смотрит: утёнок отстал от своей семьи, кричит жалобно, трепещет крылышками – зовёт на помощь маму-утку. И не знает даже, что к нему голодная лиса крадёт-ся. Ещё немного, и схватит бедного утёнка! Но тут как забарабанит Тарабанька в свой барабан!»

Сказка... переплёт замирающих звуков. И вдруг тяжёлая барабанная дробь – дед и внучка.

Эвелина Азаева – не новичок для журнала. В этом номере она представлена рассказом на житейскую тему. Это, словно с неба рухнули яблоки – целый кузовок... Перед нами – житель Канады Сиверцова. А в России – всё не так, говорит автор. Бедные дома и рядом богатые дома, как диссипация звука. И нет той медовой роскоши пения.

«Страна распалась, и Грузия повела себя неожиданным образом. Стоило Москве ослабнуть, как бывшая братская республика бросилась в объятия более сильной державы. Да ладно бы только бросилась, но она постоянно лягала Россию, плевала в её сторону, будто ничего хорошего меж ними и не было. А ведь не просто было! Было такое прошлое, что нигде и никогда Грузии большие такого времени, таких даров – материальных и духовных – не взять...»

Честно сказано. После распада СССР одна из лучших православных республик, дружественная, с высокой культурой, книгами, кино, ушла на Запад, словно... Ибо это страна людей. А люди – существа внушаемые, и они ещё более внушаемые, если пред ними шелест денег. Этих зелёных рок-феллеровых драм.

Так и хочется спросить гоголевскими словами: «Куда мчишься ты? Грузия моя, птица-Тройка, куда путь свой держишь?»

И висит вся страна высокой нотой на кончике смычка. И глядит она оттуда высокими садами, виноградными лозами, течёт вином, похожим по цвету на кровь. Разрушение в сознании, хруст ломающихся клавишей, западающих чёрных, выломанных белых. Пианино протяжно гудит, как паровоз, потерявший рельсы...

* * *

«НЕ ЛЮБЛЮ ПАРИЖ», – пишет **Олег Алексеевич Рябов**. А как же увидеть и умереть?

«Наблюдая его за рулём, я понимал, как важно научиться вальяжно водить такую машину: мой друг не обращал внимания на светофоры, двойные разделительные полосы, регулировщиков и посты ГАИ.

Он никогда не превышал установленной скорости, но если уж какие-то инспекторы задерживали его на этих постах, то он останавливался и подолгу мог с ними беседовать на самые посторонние темы, обязательно спрашивая о здоровье их родственников и с готовностью платил штрафы».

Но Париж, Париж – это особый тип музыки, это гимн, это Марсельеза, облако мелодий. Чудесные улочки нот, площади Восстания скрипичного ключа, шпиль, протыкающие небо, напоминающие мускулы Сталлоне.

Влюблённость в европейский мир, перетекающая в первую любовь. Любование. Автор идёт дальше – он приводит пример на основе денежного звучания. Что может быть слаще шелеста пересчитываемых купюр? И что может быть хуже штрафа в 800 евро? *«Из русских мастеров живописи он знает только Айвазовского и Коровина, но их тоже нет в Лувре: не доросли. А узнав от меня, что Кандинский, Малевич и Татлин тоже русские, он очень удивился и, по-моему, не поверил мне».* Человек вообще существо не доверяющее. Музыка неверия иных оттенков, она режет слух: *«На следующий день французы встретились со мной и сообщили, что идея моя им понравилась. Они убедительно попросили меня помочь им приобрести три хороших больших сундука, на которых можно было бы сидеть, и три медвежьих шкуры. Я всё нашёл – им повезло. По ходу дела я объяснил французам, зачем в сундуке играет незатейливая, но тревожная мелодия при повороте ключа – конечно, для того чтобы хозяин, который после обстоятельного обеда задремал на втором этаже в своей опочивальне, услышав её, сразу же проснулся и забеспокоился».*

Олег Рябов – певец одиночества как архетипа. Париж – одинокий город, полный влюблённых пар. Гостиницы одна к другой повернуты фасадами. И одинокий герой рассказа ищет номер по причине того, что старуха, у которой тот проживал, так обошлась с ним. Это почти Раскольников – Тварь ли я дрожащая? И опять книжная ярмарка, блошинный рынок, кроссовки. Париж – как внешний панорамный экспонат. Изучение его. Как инопланетный объект проплывающий. И звучание внеземное его глухо отдаётся в гуле одинокого шага, одинокого человека, хотя мир кишит людьми. Париж изучаемый. И Париж обучающий.

Ну и, конечно, песня, ибо концерт продолжается.

Зрители на исходе...

«Однажды на чужбине Бунин как-то проговорился: мол, нет ничего лучше дневников, всё остальное – брехня, но возводить это заявление мэтра в абсолют я бы не решился. Есть у меня подозрение, что причиной столь неожиданного высказывания стал предмет воздыханий писателя-изгнанника. Дневник любимой ученицы чем не повод для комплимента, а истина это или просто красное словцо, – попробуй теперь разберись...» (Николай Юрлов).

«Слёзы луны» – так звучит следующий этюд, где такт сопровождается записями из блокнота. Автор словно играет сам и одновременно левой рукой записывает путевые заметки.

«Возле рубленой часовенки, что стоит на берегу таёжного ручья, зацвела верба. Пока выборочно, только на самых кражистых стволах, которые никак не назовёшь обычным кустарником, настолько высоко они устремили свои жилистые ветви, обрамлённые как будто для изящества серебристыми барашками. Купола, верба, небосклон – всё купается в лучах солнца, а его сегодня за городом даже с избытком».

Неожиданно в ткань журнала вплетается песня птицы. Это крохотная птаха. Зинзивер.

Кто слышал её пение, тот не забудет его никогда. Оно околдовывает. Оно заставляет быть неодиноким. Оно превращает Париж в город. А мост через Сену – в космос. И книги, книги звучат здесь. По-русски. По-свойски. Прямо на ушко. И губы мягкие, коровьи у музыки нашей.

* * *

И даже «Хамло» *Олега Черницына* – крылато!

Кто из нас не попадал в неприятные случаи на дороги? Когда твоё авто обгонял Некто и предьявлял тебе нечто в непристойных выражениях? В таких случаях я не останавливаюсь. А если останавливаюсь, то предварительно вызвав полицию и ГИБДД.

Но эпизод прозаический перерастает в музыку противоречий. И ничего, кроме разочарования, не приносит. Вообще звучание денег как металла не всегда музыкально.

* * *

Михаил Турбин «Артистический человек» (гомо сапиенс артист) – клавиатура вся вздыблена. Рядом со смычковыми начинает ласково пристраиваться гобой... само произведение – сплошная музыка и полёт её: *«Ближе к весне Глоткин тайно запил, подолгу отлёживался в постели, и театральные постановки прекратились. Как-то Зиновий Павлович зашёл его проведать и застал режиссёра в кальсонах, заправленных в валенки. На плечах мастера свешивалось до пола шерстяное одеяло, а на голой шее висел красный галстук. Глоткин что-то репетировал, держа в руке гранёный стакан. При появлении гостя переложил его в левую руку и протянул ему правую для приветствия. Видно было, что он находится в крепком подпитии. Не извиняясь за свой вид, кинулся искать второй стакан, но Зиновий Павлович наотрез отказался от угощения...»*

И люди, люди... соседка Скоролётка, которой Зиновий Павлович отремонтировал телевизор, и отъезд его в другой город, где была куплена на задворках хрущёвка, и скитание по помойкам в поисках куска хлеба и бутылок. Вот тебе и артистический человек! Но где же выход? Ибо музыка всегда взмывается вверх, в простор, к звёздам. Особенно вот к этой – махонькой, как жгучая причёска Ларисы. Как рыжий кот. Рыжая земля. Музыка тоже красная-красная, небо синее-синее. И всё разливается в неге симфоний!

* * *

Александр Орлов – поэт.

И этим всё сказано.

И пропето.

Мы часто спорим, что такое настоящая поэзия, что такое хороший текст. И как это воздействует на читателя. На каком уровне? Отвечу: на музыкальном. Внутренне ухо человека настраивается особым камертоном на восприятие. Вот вроде бы слова такие, как у всех, но как звучит! Как поёт! Откликается:

*Помню, учили меня быть надёжным и смелым.
Всё изменилось с тех пор, но иду я к тебе,
Роца, где дед закопал навсегда парабеллум,
Где ждал связного не раз на медвежьей тропе.*

Само тело стиха – скрипка.

Запятые – смычковые.

И получается свадебная, тягучая, поднебесная песнь.

Я не знаю, какими словами передать то особое состояние, когда видишь настоящее, подлинное, чувственное...

*Читай, молељица, про кимен,
Я ухожу в студёный свод,
Пусть будет он гостеприимен...*

...молитвы скрыли перемат... вот именно – скрыли. Укутали в свои шелка, подложили ситцевый плат, замотали кистями, застегнули на застёжки. И нет его – мата-перемата. А есть одна колодезная глубина оркестровой ямы:

*Не жил я в эпоху носильных коммун,
В курганах не взрыл артефакта,
Но слышал, как сладко поёт гамаюн
В чащобах Смоленского тракта.
И в пенье дремотном красив и блажен.
...Ушёл навсегда поневоле,
Скрывая на сердце щемящий нарыв
С подсушенным привкусом соли.*

Подсушенный привкус соли. То есть до кристаллов, до сухих стекляшек вкуса, до щемящей голы правды. И в то же время неги соучастия, сорадости, соболи. Есть соль четверговая. Есть соль каспийская. Есть соль каменная. Здесь соль – как три в одном. Она и святая и грешная. Но как будто настоящая на травах и солнце, протёртая в муку, промытая до сердца, взмывающая соль!

* * *

Андрей Расторгуев:

*И даже в беспросветные года
склонись над чёрной прорвою в затоне
и зачерпни – прозрачная вода
останется на вымытой ладони.*

Лёгкая колыбель. Чистейшая в пастельном тоне. И всё в ладони – вся музыка в ладони! Как чудесная бабочка воспаряющая. Ибо полёт – тоже поёт...

* * *

Валентина Коростелёва:

В ТЕПЛЕ

*Принимаю день сегодняшний,
Каждым часом дорожу.
Пусть глаза порою мокрые,
Да зато душа в тепле.
Ночь ушла. Заря за окнами.
Чай горячий на столе.*

Здесь трагедия и мудрость в сочетании с простым и домашним. Молитва кажется по-детски и тепло рассказана, как сказка бабушки для внука. Травинка становится нежным ковром, половичком у порога для дальних странствий. Уют простого русского дома, куда хочется возвращаться после торжественного гимна, ухода под марш Славянки, отплытия под строгий набат, взлёта под колокольный звон. И Валентина Коростелёва стойко строит свой дом – дом поэтической теплоты после горя, дом, где печь и уют после дальних странствий.

ОБЪЯТЬЯ

*Стареют сёстры, братья
На гребне маеты, –
И лишь твои объятия
Надёжны и чисты!*

И если ты вернулся в дом, то, конечно, объятия, пироги-блины, салфетки на комод, статуэтки, хрупкий и в то же время постоянный мир, держащийся на музыке.

* * *

Геннадий Рязанцев-Седогин – философский, бытийный, обоснованный на строгости молитвенный поэт. Ибо пред ним всегда икона. Такое впечатление, что поэт пишет в ожидании сошедшей благодати, ибо не помнит ветка, что была мертва...

И никто не помнит этого.

*Не помнит ветка, руки протянув,
Как расставалась с птицами ночами
И как забылась, с трепетом вздохнув,
Объятая холодными лучами.*

...воспоминания стёрты музыкальной тишиной. Ибо это тоже надо уметь слышать, понимать, созерцать и этому внимать, сочувствуя. Геннадий сочувствует всему, что рядом с ним. И иже с ним. Возле него. Ибо объём души – необъятен. Он расстилается повсюду, где есть тишина, музыка. Необычайная. Тончайшая. Величественная. Вот-вот и взметнутся смычки горячие... и всё идёт путём зерна...

ЛЮБОВЬ

*Мы просто шли
Тропой тенистой сада.
Мы шли через века,
Несли свою любовь.
Любила стены ты
Старинного Царьграда,*

путём зерна – любовь.

путём зерна – музыка.

И тем она музыкальнее, чем неслышной. Чем потаённой.

И вот-вот услышится и увидится. Ибо имеющий уши – услышит. Имеющий глаза – увидит!

Но слух в ином камертоне. В лёгкой прихоти оркестра.

И слышу я. И вижу я. И всё-всё шелестит, поёт. Молится!

* * *

Олег Будин:

*Опять недобрая байда
Перед границами России.
Оставьте ваш надменный пыл:
На Украине русских больше.*

Историческая кантата – так бы назвала творчество Олега Будина. И очень признательна ему за экскурс вглубь Руси. Как говорил Писарев: «Их экскурсии в немецкие книги можно назвать наукой...»

*И озверелость киевской орды,
Которую привёл к режиму Запад.
И украинец ты или москаль –
Режиму безразличен чей-то статус.
...И всё-таки Европа не учла,
Что русский крест не ведает износа.*

Именно так – русский крест не ведает износа!

Ибо сам крест – это вечная музыка гибели и возрождения. Распятия и воскресения из мёртвых. Это Голгофа и музыка нежности небывалой. Великой любви. Это знание – что вот-вот тебя распнут рядом с проституткой, разбойником, но ты всё равно идёшь на эшафот. Ибо он не ведает износа. Всё, что нас не убивает, делает музыкой!

*А Мариуполь жив. И Соледар...
Там одурял пороховой угар,
Там в канонаду глохли перепонки –
Не прячьтесь за гражданскими, подонки.*

И вправду... не поможет... не простит... выкурит. Ибо несём мы крест русский. Крест небесный. Крест в руках несём. В сердце. Мы и сами становимся крестом этим. И уже нам износа нет. И передаем мы крест детям нашим. Они внукам. И деды наши, сгибшие на войне, тоже несут крест этот. Большой Крест. Русской музыки.

* * *

Ярослав Мальцев:

НИТОЧКА

*Мы живём на тоненькой ниточке.
Щупленькие тела на тоненькой ниточке.
Во мраке бесконечности.
В пустоте безбрежности.
...И мы предаём друг друга,
Мы предаём ниточки,
Мы предаём жизнь.*

увы... автор прав...

Но он сам не предаёт музыку. Даже музыку предательства он пытается настроить на лирический лад. Он берёт гитару и –

АБСТРАКЦИЯ

*Мы играем в разные игры,
Мы создаём различные ценности,
Мы изобретаем абстракции:
Абстракцию государства,
Абстракцию нации,
Абстракцию религии –
И именно об этом нужно вести речь...
Абстракции же – всего лишь абстракции –
Их – в печь!*

НО и сама печь – тоже абстракция. Лишь реальны аккорды. Они внятны и неторопливы.

Дмитрий Аникин:

*Сколь же достойней, умнее не прятать
от правды священной
сердце и совесть. Давай собирайся,
муж благочестивый,
и собирай свой народ.
Там, где пенаты поставим, там будет нам
Родина – новой
уж не упустим возможности. Станет Империей
Вечной.*

Здесь автор ловит колебания звуков. Их млечные пути. Ибо каждый звук имеет свою солнечную траекторию. Автор подытоживает её:

*Так всё и будет. Русская судьба
здесь решена, а в общем, на просторе
сильна, свободна, многие народы
ей покорятся.
Где нас останавливают?
Кто остановит?*

Да никто! Ибо музыка не останавливается. Она из космоса льётся. Она в простор внедряется. Врезается в марсы и луны. Она самостоятельная единица.

Кристина Арзуманова:

*Что с нами случилось? Как скальпель, язык,
Тот самый, что мудр и велик.
Давно обесценены Божьи азы,
И мир переходит на крик.
...Пока наши парни в кровавом дыму,
Не зная покоя и сна,
Воюют за то, чтоб в далёком тылу
Нас всех обнимала весна.*

Объяття весны – это пение соловьёв. Это роскошь красок. Это лаковый язык трав. Это кедровый запах. И это объём. Объём объятий всегда музыкален!

*Всё понятно мне без «или» –
дело движется к концу,
Просто нас приговорили
вновь к терновому венцу.
Дай мне руку, я с тобою,
Посмотри, как твердь легка.
И часы – кукушка с боем –
Разгоняют облака.*

Кристина полна веры в лучшее, в исконное, в путь вечности. А мы лишь винтики на этом пути. И мы то, что привнесёт в мир покой. И тот самый долгожданный мир. Ибо мир – это ядро!

* * *

Елена Колесникова:

*Эпоха осени – развёрнут на рассвете
Зелёно-рыжий флаг – куда хватает глаз.
Покой и радость дней первовенчальных этих,
Я признаю отныне только вас –*

Стихи, как дыхание. Стихи, как листья осени. Стихи, как снег на ладони. И весь мир – стихи.

*Оттенка карминовых листьев
Последний написан закат,
И веток рябиновых кисти,
Ещё не просохнув, стоят.
... Увижу я новую землю,
Принявшую светлую смерть.*

* * *

***Дорогой Игорь Николаевич!
Сердечно поздравляем с 70-летним юбилеем!***

От всей души желаем творческих успехов, каскада идей и их воплощения, любви читателей и самых близких людей, радости, света и добра!

Александр Орлов «БЫТЬ В ДОМЕ СВОЁМ...»

«В стихах *Игоря Тюленева* всегда ощущается широта и глубина русского народа, от которого поэт неотделим. Он обладает редким качеством – быть услышанным и понятым любым читателем. Его всегда можно представить на поле брани в кольчуге, шлеме, с карающей врагов палицей, не боящегося в одиночку выступить против надвигающегося полчища. Но при этой нескрываемой воинственности ощущение сердечности никогда не оставляет во время чтения его стихов.словно из строк перед нами вырастает один из трёх васнецовских богатырей, сильный и добрый, для которого слово и вера являются главным оружием».

И я присоединяюсь к поздравлениям!

*...Царапал небо веткой кипарис,
Дождь сквозь царапины
С небес струился вниз.
Вот в гроб сошёл упрямый Симеон,
Сказав: «Спаситель мира – это Он!»
Он с Христом, как с зарёй небосвод –
Расступаются земли и воды
Перед чистым сияньем небес.
И Урал, как большой волнорез,
Рассекает стада и народы.*

Пока есть такие поэты в мире – поэзия жива!

Пока есть такие стихи – жив мир!

* * *

***Редакция журнала «Берега», авторы и читатели сердечно поздравляют
Станислава Петровича Федотова с 85-летним юбилеем! Крепкого здоровья,
бодрости и энергии, творческого вдохновения и новых произведений!***

ПРИСОЕДИНЯЮСЬ!

И пишу далее портрет музыки. Ибо тело мы уже увидели. Нам осталось увидеть лицо!

*Отошли пятилетки в былое,
но, видно, напрасно.
Всё вернётся,
как водится,
снова «на круги своя».
Время требует счёта,
себя, как солому на прясло, –
Годы, сутки, часы и минуты – усердно вя.
Прославляют ТВ антисанкций немислимый
вздор.
Счёт по-прежнему сводится
к невосполнимым потерям.
А у мира с Россией ведётся немислимый спор...*

Да, согласна, спор ведётся. Мир – он разный. И это не просто товарищ. Это то, когда в споре истина рождается. И даже музыка – это противоречие. Противоречие самой себя. Самоотрицание. Поэтому так пронзительно. Проникновенно. На надрыве. Как душа и тело. Как лёд и огонь. Ибо мир – это Африка и холод Антарктиды. Это суша и море. Это небо и земля. И всё взаимно противоречивое. Как плюс и минус. Но он тем и полезен, тем и хорош:

ВОСПОМИНАНИЕ

*Почему-то вспомнил снова
Юность, скрывающуюся в старь...
Саша, Сашенька Бызова,
Комсомольский секретарь.
Без претензии на умность,
С виду скромные вполне,
Возратившие нам юность.
Ну, по крайней мере, мне...*

да, да... сама ностальгирую также. Но где же взять то, что уже ушло? И поэтому автор любит! Любит ушедшее и печальное, грустное и весёлое. И признаётся в этой любви всему живущему.

* * *

Геннадий Сазонов: «Родина – это люди...» К 110-летию со дня рождения Александра Яшина, поэта, прозаика, фронтовика.

«Что самое главное для русского писателя в нынешнюю сложную и противоречивую эпоху? Давайте вслушаемся внимательно в следующее искреннее признание:

“Оглядываясь назад, я думаю о том, как мы неправомерно много тратим времени на ненужные хлопоты (на всякие якобы теоретические изыскания и разговоры о сущности поэзии, путях её развития, о традиции и народности), когда нужно просто писать. Писать, у кого пишется. Писать, пока пишется. Писать, пока хочется, пока тянет к столу. Писать и писать, а там... видно будет, что чего стоит, кто чего может достичь. Разные же теоретические сочинения и выкладки пускай берёт на себя кто-то другой, из тех, кто, вероятно, умнее нас. А дело художника сидеть и трудом своим, постоянной творческой напряжённостью, сосредоточенностью и прилежанием расплачиваться за великое счастья жить на земле.

Много времени и сил тратим мы ещё на разные удовольствия, на чепуху, между тем как истинное удовольствие писатель может найти только в работе, за столом, за бумагой.

Трудно представить себе что-либо более печальное, чем подведение жизненных итогов человеком, который вдруг осознаёт, что он не сделал и сотой, и тысячной доли из того, что ему было положено сделать...”

Эти глубоко выстрадавшие слова написал Александр Яшин 24 апреля 1968 года, отвечая на “Анкету о народности поэзии”. А через некоторое время, 18 июня, писатель умер в одной из клиник в Москве. И это его последнее откровение вполне можно назвать “Завещанием Яшина” всем, кто ныне причастен к русской литературе – великой духовной реке, нескончаемо текущей во Времени и Пространстве. Когда я думаю о Яшине, человеке и художнике слова, я почему-то представляю начало весны, поздний вечер, крутой берег реки Юг, сосновый бор...»

Глубинный, хороший, чудесный очерк! Разбор творчества. Музыкальность клавиш. Большая опера счастья!

«После всего, что было увидено и пережито в страшные годы Великой Отечественной войны, Яшин с особой болью размышлял о судьбе русского народа, о его духовной силе, о его повседневных потерях и нестроениях.

“Война все чувства наши обострила”, – писал он на фронте.

Философское глубинное осмысление бытия невольно отражалось в поэзии и прозе и столь же невольно вступало в противоречие с принципами “социалистического реализма”, с реальной жизнью, которую видел и изучал писатель.

Поэту было тесно в заведомо поставленных рамках, он понимал, что бытие народа гораздо сложнее, гораздо разнообразнее, чем какие-либо “директивы”. Он пытался вынести на суд совести и себя самого, и народ, и страну, не давая поблажки никому. Яшин поднимался на ту высоту, о которой великий Николай Некрасов сказал: “Кто живёт без печали и гнева, тот не любит Отчизну свою”.

А что получалось на практике?

Ещё в 1947 году Александр Яшин собрал сборник стихотворений “Живая вода”, где попытался сказать о своих новых чувствах. Книга не вышла...»

но она написана была...

но она пела...

она здесь!

*Скучный и злой, наверное, был
Тот, кто, надев мундир,
«Мёртвою природою» окрестил
Весь этот добрый мир.
...Смеясь, ходили мы по пароходу.
А он, больной, скрывая свой недуг,
Он, написавший столько мудрых книжек,
На целый день расстраивался вдруг...*

* * *

Александр Лобанов пишет о Владимире Подлузском. Пишет по-военному прямо, чётко. Статья называется «Мой великий друг: «Вдруг стук в дверь. Входит скромной наружности, невысокого роста, седовласый, но совершенно не старый гражданин. Меня ему тут же представили, явно как некую диковинку: офицера, сочиняющего стихи. Присаживается он и буквально начинает пронизывать взглядом. Глаза у него добрейшие, но рентген. Душу просканировал за каких-то несколько секунд. По улыбке на тонких губах понял, пришёл я ему.

Это был Он, мой друг...»

*На Казанский праздник, как и век назад,
Весело зажинки начинают в лад.
И откуда столько тут не старых лиц,
Нива держит стойко баб и молодц.*

(Вл. Подлузский)

Знаю, что многие вспоминают этого поэта с теплом. Люди помнят хорошее. Люди верят в хорошее.

«На счастье, Коми республика в своё время расщедрилась на строительство современного кардиологического центра. Возвели сие чудо турецкие специалисты. Добротню, надо признаться. В Центр были приглашены известные кардиохирурги, кандидаты и доктора медицинских наук. Ими подготовлены впоследствии свои, замечательные врачи. Они тогда спасли нашего великого поэта. Смерть, не солоно хлебавши, отступила. Как тогда хотелось верить, что надолго. Судьба отпустила ему несколько ещё недолгих лет. Он с головой погрузился в литературу. Писал, писал, писал. Каждое новое стихотворение обязательно начитывал мне по телефону и непременно по два раза, чтобы расшевелить мою интуицию, он ей доверял...»

Вот думаю, можно ли научить слову поэтическому? И сколько не смотрю на людей – все учатся. Проходят через всё – тернии, критику, но учатся. Честно скажу, тоже на Фейсбуке (ныне исчезнувшем в наших интернетах) дружила с Подлужским. Очень добрый человек он... И он, как планета, притягивал к себе людей.

«Припомнилось выступление Подлужского на поэтическом марафоне. Тогда он уже был в немилости у местной литературной “элиты”. Когда ему передали эстафету, что выражалось в накидывании на плечи белого атласного шарфа, руководители правления филиала СП по Коми откровенно встали и покинули зал. Унизили вроде как...»

Добродушный и совершенно безобидный дедушка Щукин, в своё время известный коми писатель, борода совершенно белая, чуть ли не по пояс, в шутку звали его наш Лев Толстой, зачем-то стал суетно бродить между стульев. Скорее всего, был ошарашен невиданной чиновничьей выходкой. Среди приглашённых зрителей, в основном студентов, часть которых господа чиновники показательно увели, возник гул. Владимир выдержал паузу, взял себя в руки, успокоился и начал читать так, как стихи Подлужского мог читать лишь один человек – Подлужский. Гул через минуту прекратился. “Лев Толстой” застыл на стуле и слушал, раскрыв рот. Тишина, только голос Владимира Всеволодовича. Волиебные стихи, волиебная сила искусства. Прошли годы, великого поэта в миру уже нет. Как будто... Но он с нами, он со мной. Всегда и везде. И его гений всё так же ярко освещает литературное пространство не только нашей республики, но и России ярким неповторимым светом».

Голос – это тоже пространство поэта. Пока жив поэт, голос должен звучать. Ибо голос – это особая музыка склада речи, её уклада, её миропорядка, её космоса.

И видятся горы мне, поющие в «Берега».

И видятся мне моря вспенивающиеся.

И слышится мне дивная-дивная музыка правды!

СВЯЩЕННОЙ!

* * *

Лилия Козлова «Героический прадед – подполковник Ф. М. Сидоренко»:

«Фёдор Матвеевич Сидоренко – первый военком Гвардейского райвоенкомата. О своём героическом прадеде знают мои внуки и его правнуки – Максим и Ярослав, будущие защитники Отечества. Родился Фёдор Матвеевич 20 апреля 1907 года. Рано остался без отца. Батрачил на кулаков, окончил два класса. С 1929 года служил в Красной армии старшиной, а в 1936 году окончил курсы командного состава. С первых дней войны был в действующей армии. Начинал на Юго-Западном фронте, а в сорок втором окончил курсы “Выстрел”. Был назначен командовать полком. Служил на Западном фронте в составе 338-й стрелковой дивизии, в должности командира полка. До конца войны находился на 3-м Белорусском фронте, в составе 31-й гвардейской стрелковой дивизии, в должности командира 99-го гвардейского стрелкового Краснознамённого полка. За короткий период пребывания в дивизии полковник Сидоренко проявил себя способным и волевым командиром.

В феврале 1945 года у Фёдора Матвеевича за боевые отличия уже было три ордена Красного Знамени и два ордена Суворова третьей степени, орден Красной Звезды, медали “За взятие Кенигсберга” и “За победу над Германией” и т. д. 18 апреля 1945 года полк вступил в бой на подступах к городу Пиллау. Отбивая многочисленные контратаки противника и ведя тяжёлые бои, овладел городом...»

*А за окном черёмуха цветёт,
Но на парад он больше не пойдёт.
Лежит в постели, ноги отказали.
«Не встанет он», – жене врачи сказали.
Но он не верил и пытался встать...*

(Лилия Козлова)

Он пытался встать. Это высокая нота. Высочайшая!
Но это ещё не кульминация. Это вихрь!

* * *

Аркадий Мар из Нью-Йорка. Он словно сшивает своим песенным текстом два континента. Два полушария. Два моста. Три моря. Десять стран. И сушу.

«ДЕНЬ ПОБЕДЫ»

Рассказ

Сон вдруг подёрнулся рябью, расплылся, и Алишер понял, что проснулся. Он не открывал глаз и напрягался, стараясь вспомнить и связать цветные нити этого сна, но с каждой секундой спать хотелось всё меньше и меньше, и Алишер вздохнул. Всегда у него сон прерывается на самом интересном месте. Алишер потянулся, зевнул. Наверное, нужно вставать. Дома его всегда будит мать. Она тихо подходит к кровати, наклоняется и что-то шепчет в ухо. Становится щекотно-щекотно, даже чихнуть хочется. Алишер, не открывая глаз, обнимает маму за шею и, пока мама несёт его умываться, досыпает у неё на руках. Но сегодня Алишер ночевал у деда. У мамы премьерера, и ей нужно подготовиться.

Вчера мама, наверное, сто раз целовала Алишера и шептала: “Я так боюсь, сынок, так боюсь”. И чего ей бояться, непонятно? Ведь она танцует лучше всех.

Каждый день, утром и вечером, мама идёт в театр на работу. Утром на репетиции, вечером на спектакль. Мама работает балериной. А если совсем точно, в первой линии кордебалета. Иногда мама берёт его с собой. Тогда Алишер сидит на деревянном стуле с резной спинкой, грызёт яблоко и смотрит. Человек в чёрном свитере со смешным именем “балетмейстер” размахивает длинными руками, каждую минуту хватается за голову и кричит: “Стоп, стоп. Как вы не можете понять!”»

Здесь небольшой эпизод из жизни деда. Имя внука Алишер. И в этом имени тоже музыка. И весь рассказ – напев. Именно напев – перед колыбелькой, перед кроваткой, когда уже пора спать, но не спится. И глаза внука полны любви. И глаза деда тоже. И всё, что происходит событийно, теряется в самом взгляде. И находится в нём же. Как Петькина голубятня. Как праздничный салют. Как нечто огромное и пламенное по имени «музыка жизни»!

* * *

Алина Баева – известный поэт из ДНР:

*Я знаю, как поёт система «Град»,
Ведь до неё лишь пара километров,
Снаряды колокольцами звенят,
Царапаясь о плащ ночного ветра,
Уже не страшно, просто привыкаем,
Лишь ненавидим тех, кто виноват,
Что в подземелье мы рассвет встречаем
И знаем, как поёт система «Град».*

Звуки... канонада... боль... музыка самой смерти.

*Не под сводом церкви или храма,
Не в священном месте, не в святом,
Раз за разом сын твердил упрямо:
«Научи меня молиться, мама!» –*

*Два сухаря, что лежат про запас, крысы, грызущие пыльный палас,
Дырки от взрывов в соседской стене, из изоленты кресты на окне,
Бабушкин грязный пуховый платок, кровью залитый, верёвки моток,
Старая книжка стихов о войне, флаг ДНР на холодной стене,
Из теплосети разорванной пар, техника, что нанесёт артурдар,
Фото отца (от него нет вестей) – вот вдохновенье донецких детей –
Тех, что с войной познакомились вдруг и позабыли про солнечный круг.*

Алина Баева – поэт созерцательный. Она рядом. И извне. Она вместе.

Вообще поэзия складывается из деталей. Наблюдений. Здесь дети. Они в подвалах. Иногда смотрю на нашу литературную почтенную публику и дивлюсь: вот где настоящее сейчас. Там, в Донецке. А не бытийной, мещанской тёплой и уютной жизни. Конечно, и то и это имеет право на жизнь. Но настоящая, исконная – именно у Алины Баевой. Она трогает до слёз. Она потрясает. Она даёт надежду. Большую.

С некоторых пор я не могу читать что-то иное, если это не про СВО, не про нашу страну. Ибо там, где больно, там и стих. Где народ мой, там и поэт. Где страна моя, там и поэзия.

* * *

Юрий Хоба «Место обитания – Донбасс»:

«Награду Фотинья вернула полтора месяца спустя, когда командир самоходчиков зашёл попрощаться со своей спасительницей. Вслед за ним в ординаторскую ввалились четверо его однополчан. По случаю мартовского тепла расхристанные, без шлемов, у говорливого бинты уже сняты, в одной руке полиэтиленовый пакет, из которого выглядывает зелёный чубчик ананаса, другой смущённо потирает огрызок левого уха.

– Не обессудьте, Златовласка вы наша, – повинулся одноухий. – Поляны с подснежниками все заминированы, а единственный в вашем городке цветочный магазин закрыт по причине болезни продавицы. Поэтому вместо букета примите нижайший поклон.

– И вам спасибо, парни... Как за что? Доброе слово не только кошке приятно.

– Позвольте сказанное считать тостом? – вскричал одноухий.

– С тостами повременим до лучших времён, – возразила Фотинья. – Да и ухом бы стоило заняться. Чтобы не травмировать психику будущей невесты. Кстати, где это вас угораздило?

– Командир оторвал, – рассмеялся одноухий. – Чтобы злее бил нациков».

Всё, что связано с Донбассом, – уже подвиг. Сам Донбасс – подвиг. Люди – герои. Живут, сражаются, противостоят. Там всё пахнет взрывами, лоскутками пространства, кожей листьев, кровью...

«На какое-то мгновенье Фотинья почувствовала, как исцарапанный танками асфальт качнулся под ногами. Однако не позволила ему, по примеру больничного коридора, занять вертикальное положение.

Лишь потемнела лицом. Но, может, это просто набежавшая тучка уронила скорбную тень на островки цветущей черёмухи, спасённые одноухим ополченцем фиалки и рыжего с белым котом, который игрался кончиком косы цвета омытого в горном ручье золотого самородка...»

* * *

Лидия Довыденко «Багратионовск – город русской славы»:

«Мы овладели Эйлау.

Ночь прекратила битву.

Город остался за нами.

Денис Давыдов

Приехав в город Багратионовск Калининградской области, я иду туда, где устремлён в синеву неба золотыми куполами великолепный православный храм Веры, Надежды, Любви и матери их Софии. Поднимаешь голову к куполам церкви: “Мы скромны и смиренны, – говорят они. – Мы только стремимся в мир небесный, мы не достигаем его, но совершенство и красота там”. И ловишь себя на мысли о встрече не с новым, а с вечным: “Возвысь взором и сердцем своим”, – говорит с тобой

белоснежный храм, ставший образом единения, целостности, согласия, устремлённости человека к божественному, к тому, что “не проходит”. Войдя в храм Веры, Надежды, Любви и матери их Софии, ты вспоминаешь евангельское: “Войди и согрей своё сердце”. Идёт крещение крошечной девочки, одетой в крестильную рубашечку. Молоденькие крёстные родители нарядно одеты. В храме много света, торжественности: “Заходи же, здесь свет, и этот свет есть Любовь”.

Факел ангела на церковной ограде высвечивает героическую битву под Прёйсиш-Эйлау в 1807 году...»

Речь идёт о том, как отстаивали город во времена войны с французами. Ибо война пришла сюда не первый раз. Это историческая песнь главного редактора журнала. И это глубочайшее исследование – русский град пред нами. Русский Багратионовск!

«Участник битвы – Алексей Петрович Ермолов, генерал от инфантерии и от артиллерии. Герой Отечественной войны 1812 года, участник Кавказской войны 1817–1864 годов. В сражении при Прёйсиш-Эйлау тогда полковник А. П. Ермолов командовал конной артиллерией и проявил решительность и храбрость. В битве при Прёйсиш-Эйлау героически проявили себя будущие декабристы: Сергей Григорьевич Волконский, награждённый здесь “золотой шапкой”, Фёдор Григорьевич Кальм, отмеченный за героизм в сражении золотым крестом. После восстания декабристов в 1825 году С. Г. Волконский, оказавшись на допросе перед Николаем I, в ответ на повышенный тон царя произнёс: “Не кричите на меня, я был ранен при Эйлау”. “Храбрость и распорядительность” проявил граф, генерал-майор, самый молодой генерал в русской армии – в 22 года получил это звание – Александр Иванович Кутайсов, погибший в Бородинской битве. Казаки Платова чуть не пленили Наполеона на кладбище Прёйсиш-Эйлау. Этому помешало лишь то, что казачьи кони не пошли через могильные плиты и памятники, за одним из которых застыл от страха Бонапарт».

Широка история города. Пронзительны воспоминания Дениса Давыдова. Он яркий представитель военной интеллигенции того времени: после пламенных и ожесточенных боёв с французами под современным Калининградом Денис «получил в награду за подвиги именную саблю и ордена». Это ли не престиж? Потом были сражения, совместные с турками под началом героя Якова Кульнева, они-то как раз и принесли Давыдову должность командира батальона Ахтырского гусарского полка. А с самого начала, с первых дней Отечественной войны 1812 года Давыдов с отрядом подчинённых неожиданно и молниеносно для врага появлялся в самых опасных местах. Об этом, именно об этом – о столкновениях с неприятелем у деревни Мир (под русским Смоленском) – Денисов-предводитель описал в прозе и стихах. Звался он – путеводительной звездой людей в красных мундирах. А в самый канун славного Бородинского сражения генерал Михаил Барклай-де-Толли тогда собрал партизанские отряды из самых находчивых и храбрых солдат. Вот тогда и спонадобился «эскадрон гусар летучих», сгодился храбрый Денис Васильевич за «дело под Ляховым», где он получил ряд почётных наград для Руси ратной!

Это и есть симфония войны. Как шестая симфония Ленинграда.

И звучит она в очерке Лидии Довыденко.

Честно.

Ярко.

Пронзительно!

* * *

ДАЛЕЕ: **Андрей Маруденко** беседует с князем Н. Д. Лобановым-Ростовским.

Андрей Маруденко – политический консультант, общественный деятель, публицист, Москва.

«Никита Дмитриевич – человек крайне разносторонний, кладёшь знания, связей и опыта. С ним можно говорить на любые темы – от искусства и этикета до вопросов мирового шпионажа, политики в Афганистане и влияния семьи Ротшильдов. В нём – энциклопедия нашего времени. Поэтому нам – тем, кто его хорошо знает, важно запечатлеть этот исторический слепок середины XX – начала XXI века. Свидетельства Никиты Дмитриевича неожиданно приоткрывают завесу многих событий, что позволит будущим поколениям увидеть в нюансах это время таким, каким его видел наш дорогой князь. Этим я и руководствовался в создании книги “Диалоги с князем Никитой Дмитриевичем Лобановым-Ростовским”, часть из которой представлена здесь вашему вниманию. И называется “ДИАЛОГИ”».

Жанр диалогов – это эпизодический, углублённый повод рассказа. Это похоже на маленький детектив про шпионов, английскую спесь, лицемерие, дикий Запад, это рассуждения и пристрастный рассказ, переходящий в зов...

Англия.

Париж.

Живое и присущее. Человек видит изнутри и пытается поведать миру свой взгляд на уклад.

* * *

Никола Р. Казански (БОЛГАРИЯ):

«О дворянстве

По мнению специалистов, русская аристократия, или точнее, российское дворянство, сформировалась как отдельное сословие в период XVI–XVII вв., когда Великое Княжество Московское избавилось от ордынского вассалитета. Именно при дворе государей Московских формировалась та прогосударственная и монархическая элита, которая сможет преодолеть и Смуту начала XVII века и станет активной соработницей по созданию Российской империи в XVIII веке. Слово “дворянин” буквально означает “человек с княжеского двора” или “придворный”. В основном все аристократические семьи – “княжата” как доордынского, так и ордынского периода (1240–1480) были или потомками князя Рюрика, ставшими именоваться Рюриковичами, или потомками Великого князя Литовско-Русского Гедимина, получившими в дальнейшем прозвище Гедиминовичей, и наконец, в третью группу старой, доимперской аристократии входили потомки казанских, половецких, черкесских, крымских и других властителей. Или, как говорилось в народе, “беглый татарский князёк на службе у московского Царя”»...

И я понимаю, что, несмотря на разделения, – мир един.

Все хотят – весь род планетный, чтобы было светло и уютно. Чтобы было добро. И рай на земле. Ибо для этого устремлены умы наши. Рассуждения.

* * *

Анатолий Байбородин – прозаик, публицист. Член Союза писателей России. С 2017 года – главный редактор журнала «Сибирь», «Противостояние тьме» (О книге Александра Орлова «Купель покаяния»):

*«Азь есмь истинная виноградная лоза,
а Отец Мой – виноградарь.*

*Всякую у Меня ветвь,
не приносящую плода, он отсекает;
и всякую, приносящую плод,
очищает, чтобы более приносящую плод.*

Ин. 15:1–2

Высокое духовное достоинство книги Александра Орлова “Купель покаяния” в том, что писатель мировоззренчески не опирается на мудрость мира сего, ибо апостол Павел поучал: “...Мудрость мира сего есть безумие пред Богом” (1 Кор 3:18–19). В мудрости мира сего, мудрости дольней, нет вечных...” душеспасительных истин, кои таятся лишь в мудрости божественной, мудрости горней. А посему помянутая книга Александра Орлова не оглашает идеи суетного мира, преходящие, запыленные, обманчиво увлекательные, иногда смертельно опасные; нет, истории, запечатлённые в рассказах, прямо или косвенно обретают христианское осмысление...»

Книжники и фарисеи, что любят красоваться внешней набожностью, брезгливо и высокомерно созерцают, обличают грешный мир, а герои книги, в чьих душах негасимый свет православной веры, будучи нетеплокровны, воплощают любовь ко Всевышнему в деятельной помощи ближним. Таков своеобразный по характеру Дмитрий Ружников из рассказа «Мостырник», что разочаровался в суетном мире, тем паче обезбоженном, и, отслужив в десанте, принял монашеский постриг. Послушник восходил к святому житию, но сорвался – побил ряженого казака, долго и скверно оскорблявшего его, и был изгнан из святой обители.

Александр Орлов «Купель покаяния» – приведу несколько фраз из этой книги:

«Если народ теряет веру в Бога, то его постигают бедствия, а если не кается, то гибнет и исчезает с лица земли. Сколько народов исчезло, а Россия существовала и будет существовать. Молитесь, просите, кайтесь! Господь вас не оставит и сохранит землю нашу!»

«Как только я подошёл к ней, получил сокрушительный удар по щеке, у меня на мгновение потемнело в глазах, чуть повело в сторону. А рядом с мамой стояла наша соседка тётя Шура, которая подозвала своего внука, моего закадычного друга Андрея, и врезала ему ещё сильнее...»

«Господи, как я стеснялась, из дома выходить лишний раз не хотела, всё понимала, что глаза будут, и плакала...»

Книга рассказов. Книга взывания. Книга книг.

А. Байбородин ведёт честный и ёмкий разбор многих рассказов, опираясь на историю. И тем ценней книга, что она о жизни и любви. Даже зеки имеют право высказаться. Это книга-милосердие. Книга-познания себя. Книга-познания мира. И нас в мире сём!

Елена Крюкова:

«Александр Кердан вырастил шесть таких поэтических и прозаических лесов. И тут даже дело не в юбилее, не в возможности отметить свою хорошую, торжественную дату со дня рождения весомой, значимой работой. Дело тут в совокупности этих возможностей – в обретении себя на земле, в счастье художественного высказывания, в творческой радости большой личности».

Елена Крюкова – музыкант, поэт, эссеист, прозаик, исследователь пылливый этого огромного чуда – литературы русской. Во всех её страстях и мучениях. В родах. Как принимающая роды. В смерти, как призывающая к жизни. В пределе, как вечности. И выстилает она вечности полы да потолки, кружева на полки кладёт. Украшает вечность! И всегда музыку присутствующую слышит.

«Автор обнимает и мыслью, и сюжетом большие времена – эпохи.

Первый век нашей эры, Рим: эпоха Христа, первых мучеников за Христа, колоссальной драматической силы столкновения христианских максим, гласящих о любви как о параллели Бога, как о первом признаке бытия Божия, и злобы людской, неустрашимой и узнаваемой, в борьбе с которой либо гибнет, либо укрепляется человек, поднимаясь до бесспорных нравственных высот. После изображения Рима перед нами предстаёт другое историческое время и другие страны – Первый Крестовый поход, Испания, Иерусалим, а потом тяжёлой волной, девятым валом трагедии наваливается Семнадцатый век – век колоссального кровопролития на землях Украины. То время и для Руси-России было неизмеримо болезненным, полным духовных сражений и подлинного ужаса: это пограничное, терминальное время русского Раскола, когда схватились, в битве за древние книги, царь Алексей Михайлович и Никон, с одной стороны, а с другой – опальный протопоп Авакум.

Александр Кердан, погружая читателя в исторические бездны и в человеческие борения и страсти, говорит нам прежде всего о вечности человеческих чувств и о вечной тяге человека – познать ход времён и принять участие в переустройстве Мира. Человек всегда стоит перед выбором – его предоставляет человеку Господь. Да, история – это бушующий океан, и не всякий пловец его преодолет, не всякий капитан доведёт свой корабль до пристани без лоции. Судьбы иной раз безвозвратно тонут в море времени. А в памяти людей остаются герои – те, кто отважился пожертвовать своей жизнью во имя великой – и часто не личной, а общечеловеческой – цели. Воин, павший в бою давным-давно, в чуждой стране, в незапамятные времена, улетает душою в небо, не ведая, что станет живым звеном, соединяющим цепочку поколений...»

Скажу от себя – Александр Кердан очень мозаичный писатель, он выстилает свой путь из Уральских лесов, из войны, из мира, из пагубы и жизни. Он – гордость Урала, его гор и рек. Скал и городов. Дымный Урал. Исторический Урал. Цельный Урал. Урал – как республика. Как непроходимый лес. И не выпускай сюда никого, кроме Хозяйки Медной горы и Данила-мастера. И высекай свою чашу Каменную из своих томов. Из своих книг гранитных, товарищ Александр!

*Бежит мальчишка, а навстречу
Ему едва бредёт старик...
Сойдутся, как рассвет и вечер,
И разойдутся в тот же миг.*

...могуч.

Искрящийся!

Воюющий!

И мирный!

Ибо мир – это тоже война для начала. И для рода людей!

«И шестой том естественно, с внутренней грацией и гармонией продолжает пятый; здесь опять стихи, но ещё пригоршни словесных сокровищ – песни, переводы, сказки, очерки. И много светлых, торжественных, звонких нот тут звучит, оркестр природы подчиняется дирижёру-поэту! С течением жизни мы начинаем лучше и глубже, любовнее слышать и видеть природу, – мы становимся ближе к ней, нам внятны голоса земли, зверей, растений, мы видим лик небес».

«Пуговицу-ворчунью и Царевича – золотые ножки, Медведя, героя-Солдата и важного Генерала, Попа и Поповича... В этих сказках – Россия, старая Русь: с её чудесами, с её заговорами и ведуньями, с её противостоянием самого нижнего и самого верхнего, владычного, с её поиском справедливости и счастьем любить. Да, эти сказки полны любви и света. И это главное в сказках. И – главное для писателя.

А какой писатель без очерков? Очерки Александра Кердана не столько журналистские, сугубо документальные, сколько писательские, художественные. Они сочетают в себе качества эссе, прозаических этюдов и собственно очеркистской стилистики...»

ПОЮЩАЯ.

ГИМНОВАЯ.

МАРШЕВАЯ.

мелодия...

мелодия...

И всё – есмь мелодия...

КАК всё-таки очаровательно слово!

***

Вера Сытник «Переключка между прошлым и настоящим» (О творчестве Натальи Советной).

«Мне посчастливилось несколькими годами ранее лично познакомиться с Натальей Советной на Международном Славянском литературном форуме “Золотой Витязь” в 2019 году (проходившем в Пятигорске) и прочитать её книгу “Угадывай любящим сердцем”, победившую в номинации “Публицистика”. Было удовольствием писать рецензию на книгу, как сейчас – радостно встретиться с ещё одним творением замечательной писательницы. Новая книга называется “Кремень” и включает в себя роман и две повести.

Разные, на первый взгляд, произведения объединены общей устремлённостью к доброте и духовности, к свету и любви, к прощению и милосердию. Перечисленные мотивы характерны для творчества Натальи Советной, которая в своих произведениях выступает как проповедник православного христианства. Каждое слово проникнуто верой в Иисуса Христа, в Его милость и власть над всеми живущими на Земле. Писательница говорит с читателями искренне и прямо, доверяя их чувствам и разуму. Такая позиция обусловлена бесконечным дружелюбием, позитивным мировоззрением и оптимизмом автора. О чём бы Наталья Советная ни писала, всё является проекцией её отношения к жизни, центр которого – духовность. Наталью Советную интересует история и современность, которые на протяжении всей книги ведут переключку, сливаясь в повествовательный поток <...>.

Сложные судьбы рисует Наталья Советная, соединяя в одном художественном пространстве (поезде) прошлое и настоящее. Безотцовщина Миколки, о котором все говорят, что он “крапивник”, ибо принесён не аистом, его отыскивали в крапиве; бывший фронтовик Кудрин, которого

разыскала якобы погибшая жена и которую он принимает, прощая, вместе с её дочерью, родившейся в его отсутствие; старушка-попутчица, знавшая о партизанском прошлом Кудрина, – всё переплелось на страницах романа, всё нацелено на то, чтобы высветить во мраке прошлого зачатки сегодняшнего дня.

Драматичные картины Наталья Советная уравнивает восхитительными пейзажными вставками, которые, как драгоценные стразы, рассыпаны по всему повествовательному полю. Одна из таких “страз” встречается в разговоре Олеевского с попутчиком, белорусским режиссёром, взволнованно рассказывающим о минуте вдохновения: “Вдруг увидел, как спелые сочные грозди звёзд свисают с небес, словно с отяжелевших лоз, они склоняются ко мне, окунаются в озеро, вода которого и не вода вовсе, а всё то же, таинственное, бездонное небо. И нет грани между ним и землёй...”

Пейзаж у Натальи Советной несёт в себе не просто эмоциональную ноту, а предвещает или завершает событие, усиливая эффект воздействия на читателя. Это ярко показано в последней главе романа: “Зловещая, необыкновенно плотная, от самого горизонта – на полнеба, не туча, а огромная сливовая волна надвигалась на город с запада”. Следом за тревожной картиной вечернего небосвода следует описание драматических событий, обрушившихся на Беларусь в 2020 году. Будто волна от цунами накрыла страну! Политические выступления против существующего режима с подачи западных сил взбудоражили столицу. Как опытный публицист, писательница высвечивает социальную проблему: общество раскололось на тех, кто поддерживает существующую власть, и тех, кто хотел бы свергнуть её. Среди последних – Юлия, жена Вани, сына Александра Николаевича. Молодая женщина готова проводить дни и ночи на площади города, где идёт отчаянное противостояние власти и протестующих. Для Натальи Советной она – олицетворение одурманенной вражеской пропагандой молодёжи, получающей с Запада искажённую информацию о родной стране, молодёжи, не знающей истории, доверчивой к сладкоречию европейских моралистов, призывающих к сексуальной, нравственной и политической свободе. Трагичность описываемых событий подчёркивает название главы – “Рога йейла”»...

Наталья Советная, несомненно, яркий писатель, самобытный. Она исследует жизненное пространство насколько хватит взора. От мифологии Рима до сегодняшних дней. Словно все трагедии Греции сочетаются в современной Белоруссии и на окраине её, и в центре. И на деревенском простом кладбище, и на высоком взгорье. И в Храме её живёт этот мир. В Храме Натальи Советной!

* * *

В Берегах прочтения Алла Ермилова и «ГРОЗНОЕ ОРУЖИЕ АЛЕКСАНДРА ГРИНА».

«...быть участником боевых действий писателю довелось – его призвали в 1919 году, когда ему было почти сорок, и некоторое время он служил в роте связи. Крепким здоровьем Грин, действительно, отнюдь не отличался, спустя полгода службу прервала тяжёлая болезнь, которая едва не закончилась самым печальным образом...»

Алла Ермилова рассказывает о том, что Грин писал стихи – о войне, мире, жизни, любви... «...стихотворение “Король на войне”, в основу которого положена история легендарного сербского короля Петра I, ходившего, будучи уже семидесятилетним стариком, вместе со своими простыми солдатами-крестьянами в итывовую атаку против австрийских агрессоров в известной “Колубарской битве” 1914 года. Произведение датировано следующим, 1915 годом – значит, написано под впечатлением живых событий. Грина всегда глубоко трогало любое проявление благородства в реальном мире – которое, кто бы что ни говорил, всегда в нём было. В 2017 году Иван Пайович из Белграда перевёл стихотворение на сербский язык».

* * *

Валерий Громак исследует АНТОЛОГИЮ СТОЯНИЯ ДОНБАССА с прозаической и поэтической точки зрения. Для Валерия Громака это материал богатейший. Материал для изучения в школах. В вузах. Действительно, целый пласт новой литературы!

В. Терёхин о Стамбуле и празднике поэзии.

Краски...

Цветы...

И стихи поэтов мира!

А ещё пьеса **Валентина Баюканского** «Слава, богатство и хлеб насущный», именованная СКАЗКОЙ.

Так дети приобщаются к общему миру. К познанию. Через Сороку идёт вещание и глашатайство. Через Магиструса – учение. Алхимический настрой. А ещё Мария-вышивальщица – дочь Кузнеца, Пивовар – старший сын Кузнеца, Купец – средний сын Кузнеца.

Пьеса познавательная. Пьеса как увертюра небольшого события.

Вообще алхимики для меня – это отдельная тема.

Тема мечты.

...Начиналось всё просто из гимна и стали. Эта ложь неуместная, слов нищета. Лён волос моих гребнем зубчатым чесали, эликсир добывали единый из ста. Лунный, жёлтый, космический выдолблен камень, но алхимик, дружок мой, был верен программе. Добывала. Мне больно. И гребень был острым, а не проще ли ножницами выстричь косы?

Эта магия, эта печаль вся к лицу нам, прорифмовывай цифр ты тяжёлые гири, оцифровывай нежность как дважды четыре. Без тебя амальгамно и вся на плацу я! Что слова? Это словно стекло в сердцевине, больше я им ни вздоха – на русский с латыни. У алхимика вечно палящая печь! У алхимика золота нет, лишь отвары, сера, кучка золы, шорох да тары-бары...

И вся музыка тоже – алхимия.

Добывающая золото. Вопреки всей науке.

И литература тоже дымящаяся алхимия!

...вот слушаю, слушаю – и слышу.

И даже ощущаю.

И понимаю.

Номер получился!

Номер музыкален! И мы все участники огромного концерта. Слушатели, зрители, участники.

Спасибо Лидии! И её дирижёрской пронзительной музыке!

